

Андрей И — бог Маньчжурии. Самый настоящий

*Собеседник.
— 1997. — № 5.
— с. 15*

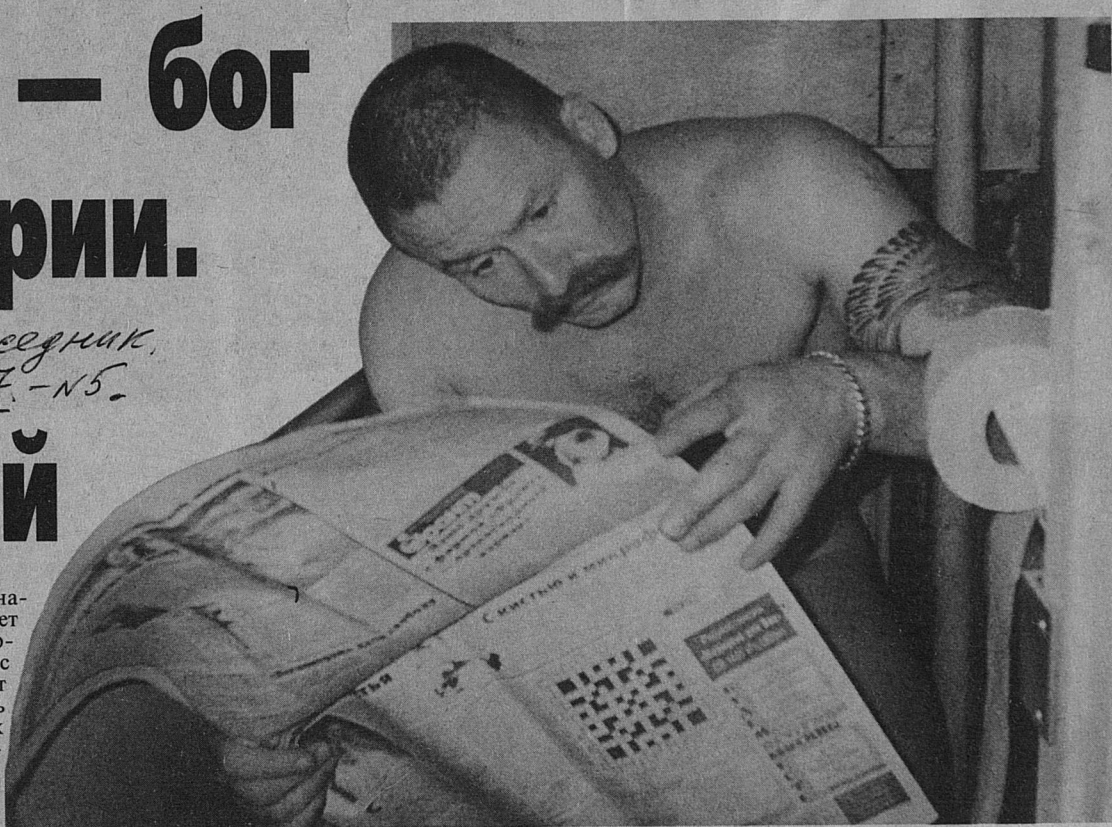

фото из архива Татьяны И

крупный план

На знатоков кино Андрей И оказывает необычное, «раздражающее» воздействие.

Сняв в 1993 году фильм «Конструктор красного цвета», он шокировал зрителей показом подробностей закрытых медицинских экспериментов. Недавняя премьера его нового фильма «Научная секция пилотов» — странного триллера о серийных убийствах в метрополитене — наделала, кажется, еще больше шума.

— Андрей, вы поставили два фильма, вызвавшие шок и даже возмущение. Тем самым вы хотели привлечь к себе внимание?

— Да. В том числе. Кино сегодня — мощная индустрия со своими законами, и режиссер должен отрабатывать то доверие и деньги, что в него вложили, играть по правилам: то есть быть не только человеком, который ставит кино, профессионалом, но и отчасти шоуменом, ньюсмейкером...

— Но откуда такие темы — мрачные, необъяснимые? Переливание трупной крови, расчлененка в метро?..

— Во-первых, мне нравится сериальность: чтобы из одной картины рождалась другая и можно было бы поиграть внутри жанров — от одной серии «Конструктора красного цвета» к другой. При общей выстроенности, когда появятся другие серии, сложившаяся ситуация окажется не столь мрачной и по жанру тоже. Второй фильм будет другим — постановочный, без игры в документальное кино.

— Вернемся к шоковой терапии...

— Это просто. Режиссер должен давать себе отчет, что на

уровне подсознания он вкладывает какую-то энергию, связанную с тем, что хочет сказать. Зритель же выступает как собеседник, человек, относящийся к тебе с абсолютным доверием. Поэтому

мне необходимы особые механизмы, чтобы раскрыть внимание зрителя. Шокирующий фильм как раз позволяет это сделать. Я всегда был сторонником эстетических кувалд.

— После просмотра «Научной секции пилотов» некоторые говорили, что у режиссера не все дома.

— Естественно. Если у человека все в порядке с головой, ему нужно работать токарем или дворником. А если непорядок... То ощущение непорядка надо доводить до приема, выстраивать его и использовать для того, чтобы от существующего универсума трэндов отойти в сторону и рассмотреть, как можно в жизнь повернуть большее, связанное с массой людей, а не с одним человеком.

— Я думаю, нас многие не поняли, особенно про трэнд.

— Трэнд — девиация, медленное отклонение в рамках малого масштаба, потом оно складывается, приобретает масштабность, в конце концов превращаясь в нечто огромное — то есть результат. Любый человек, работающий сегодня в аудиовизуальной культуре, разговаривая с массой людей, должен быть отсекателем трэнда, разрубать эти незаметно установившиеся неправильные привычно-следственные связи. К моей картине мо-

жет быть упрек: такая серьезная тема — террор в метро, она так богата, а к ней отнеслись легко. Кино еще и определенная форма: ремейк, пародийность... Некоторые почему-то этого не замечают.

— Страх человека перед метро, по-моему, носит некий мистический характер.

— Не обязательно это метро. Просто метро неогранично для человека — большой массе людей находиться под землей не свойственно. Даже с точки зрения системотехники странно, что метро так хорошо работает и еще не было огромного сбоя.

— Насколько я знаю, вы по первому образованию специалист по прикладной математике?

— Я окончил МАИ, изучал системы автоматического управления летательными аппаратами, системный анализ, психотронику. «Конструктор красного цвета» я называю психотронным сеансом.

— Вы занимались еще и подводной археологией, спасательными работами...

— Я руководил специальными водолазными, спасательными работами. Участвовал в экспедиции, когда корабль «Адмирал Нахимов» затонул в Черном море.

— Вы помогли спасти?

— Нет, я уже только вытаскивал трупы. Живых не осталось.

Приехал, чтобы доставать оттуда людей. Я много работал в Арктике, поэтому вся моя биография подготовила мое мироощущение: ты и природа, ты и море. Когда я вернулся с Новой Земли, все эти игры, связанные со смертью, были разыграны. Еще помог спорт — каратэ, которым я занимаюсь с детства, а теперь руковожу маньчжурской секцией каратэ.

— Вы человек восточный. Вы верующий?

— Я верующий, но не православный. Я (хотя, может быть, это и дико звучит) шаманист. Мой отец — один из последних императоров Маньчжурии. По традициям землячества светский руководитель является и руководителем религиозным. Поэтому я — живой бог Маньчжурии. Я по-восточному отстраненно научился относиться к смерти. Смерть человека не абсолютное зло. Абсолютное зло — истязание, издевательство над человеком, этому нет оправдания. Человек рождается, чтобы умереть. Кстати говоря, одно из отрицательных проявлений гигантского трэнда — неправильное отношение к смерти.

— Я понял, что вы крепко изучили «науку выживания»?

— Научился многому: спать на снегу, преодолевать болевой

порог. Сейчас хочу установить рекорд с боевым оружием — вращением нунчаков.

— Непонятно, как опытные, популярные актеры Виктор Павлов, Лидия Федосеева-Шукшина и другие согласились с вами работать? Уж больно все подозрительно!

— Они и отнеслись подозрительно. Но я и в жизни придерживаюсь отчасти шокирующего и свободного отношения ко всему. С Лидией Николаевной и Виктором Павловым — с великолепными актерами — мы сразу, прочитав сценарий, договорились: фильм получится странный!

— Я слышал, вы сейчас заняты новым гигантским проектом?

— Начиная сразу несколько документальных сериалов. Один — стосерийный фильм об истории Российской армии. Называется лента «Российская армия. XX век».